
ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Александр БАЛТИН

К 100-ЛЕТИЮ В. СОЛОУХИНА

Счастье тихой охоты — отодвигаются тугие, слегка пружинящие лапы елей, и — под ними крепкий, будто литой боровик, источающий такой аромат, что поверишь в концентрацию чувства счастья.

Или — на полянке милый круг, называемый почему-то ведьминым: желтеют лисички, их много, сразу наберешь половину лукошка...

Владимир Солоухин писал сочно и смачно, забираясь в самые дебри грибного счастья, повествуя о бесконечных разновидностях чудесных, почти как эльфы, существ. Впрочем, эльфы — слово не из лексикона Солоухина: он очень русский, так сокровенно связанный с русским космосом, с правдой его, силой, неповторимостью. И в поэзии его заложены коды и ноты счастья, вспыхивающие, например, огнями зимы, даже ежели близкий пейзаж не слишком хорош, но — такое открывается за ним:

Зима разгулялась над городом южным,
По улице ветер летит ледяной.
Промозгло и мутно, туманно и вьюжно...
А горы сверкают своей белизной.

Есть отливы и отзвуки небесной белизны в поэзии и прозе Солоухина: в прозе-поэзии, предложенной им миру, ибо прозаические его тексты строились по принципу необыкновенного внимания ко всякому слову, то есть — поэтически.

«Третья охота» — скорее поэма: царственная, лесная, грибная, а то, что именуется она повестью, так это скорее издательские правила, чем правда творчества.

Александр Львович Балтин родился в Москве в 1967 году. Поэт, прозаик, литературный критик. Автор 85 книг (включая Собрание сочинений в пяти томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Франции, Дании, Испании, Израиля, Эстонии, Якутии, Дальнего Востока, Ирана, Канады, США.

«Владимирские проселки» требуют своего пути: книгу надо пройти, чтобы прочувствовать.

Лирический лад — и в каждом слове слышатся родные звуки, и радуга радости распростерта — легка и красива. Иди. Смотри. Увидишь самую суть вещей или — сущность пути. И метафизика осмысления яви зажигается огоньками в стихах поэта:

Откуда в сердце сладкая тревога
При виде звезд, рассыпанных в ночи?
Куда нас манит звездная дорога
И что внушают звездные лучи?

Какая власть настойчиво течет к нам?
Какую тайну знают огоньки?
Зачем тоска, что вовсе безотчетна,
И какова природа той тоски?

Постигнет ли мозг самые корни таинственных огоньков? Не так уж важно, ибо путь постижения подразумевает рождение стиха... Или прозаического повествования, берущего силу у поэзии. Лето полыхнет ярко:

Безмолвна неба синева,
Деревья в мареве уснули.
Сгорела вешняя трава
В высоком пламени июля.

Картины Солоухина всегда точны, и разные техники использует он: и графику, и акварель, и гуашь — словесные, разумеется.

То, насколько Солоухин болел Россией, сильнее всего явлено в «Последней ступени», повествовании жестком, требующем вдумчивости и... сострадания.

И наследие В.Солоухина играет нетускнеющими красками.

«Третья охота» раскрывается пышной радостью грибных троп... Рыжики можно есть сырыми, а вовсе не сыроежки, точно по ошибке получившие свое название; а ведь мин круг великолепных желтых, с китайскими складочками, лисичек всегда отзывается детским трепетом в сердце. Нижние, пружинящие ветви елей отгибая, найдешь боровик, в крепости своей точно вышедший из древнерусских преданий...

Солоухин-поэт или Солоухин-прозаик? Взаимодополняющие данности, и в каждой разливается млеко и пахнет домовито хлебом.

...Существует ли гриб-чесночник? Описание его дано, но позволит ли данность встретиться с оным, затерянным в травах знания, мечты и фантазии?..

Хорошо, когда три ипостаси пересекаются, — результат будет загадочен, занятен. Солоухин-поэт раскрывается в прозе не меньше, чем в стихах, и лирика его прозы проступает сквозь каждую линию фразы...

Прошагать с ним по владимирским, столькими поколениями исхоженным тропам, почувствовать то тайное, что редко удается уловить быстро идущему нынешнему человеку, остановиться, попробовать поймать мгновение... Да и не так их много, слагающихся в жизнь, и ближе к финалу становится понятно, как все быстро.

Россию Солоухин любит мучительно, страстно... Как в «Последней ступени» писатель, крепко укорененный в жизни (этакий боровик!), получающий спецпайки и расхваливающий вождей, встречается с человеком, который переворачивает его мировоззрение, представляя подлинной русской славой — монархизм...

И то, и то разливы русскости: и бездны исчезнувшей империи, и мощь советскую любит Солоухин, ибо все — Россия, ибо столько еще троп в ней не исхожено, столько еще сил не раскрыто...

Плавно и величественно разворачиваются ленты строк: замедленно, будто выкупанные в том волшебном зное, о котором идет речь, текут они — торжественные, как церковная служба:

Ветер
Летит над морем.
Недавно он не был ветром,
А был неподвижным, теплым воздухом над землей.
Он
Окружал ромашки.
Пах он зеленым летом
(Зыбко дрожал над рожью желтый прозрачный зной).

В. Солоухин необыкновенно чувствовал природу: вместе — природу русского, лесного, часто потаенного, церковного. Он использовал крупные слова, словно из них, как из хорошо обработанных камней, созидал здания стихотворений.

Белый стих его действительно играл (но совершенно всерьез) великолепную белую мгновения, тянувшего на откровения, и чудо жизни, словно стекавшее, срывающееся с проводов строк, попадало прямо в читательское сердце, заражая восторгом:

Жить на земле, душой стремиться в небо —
Вот человека редкостный удел.
Лежу в траве среди лесной поляны,
Березы поднимаются высоко,
И кажется, что все они немножко
Там, наверху, друг к дружке наклонились
И надо мной смыкаются шатром.

Солоухин совмещал — рифмованный стих, белый, верлибр... Он стремился впитать все возможности поэтической субстанции, чтобы, пропустив ее через фильтры собственного дара, вырастить свой, поэтический лес.

Разворачиваются житейские истории: переложенные стихами, они, опаленные пронсящими лентами трагедии жизни, воспринимаются столь необычно, будто смотришь кино, снятое так, что в него можно войти:

«Журавли улетели, журавли улетели!
От холодных ветров потемнела земля.
Лишь оставила стая средь бурь и метелей
Одного с перебитым крылом журавля».
Ресторанная песенка. Много ли надо,
Чтоб мужчина сверкнул полупьяной слезой?
Я в певце узнаю одногодка солдата,
Опаленного прошлой войной.

Густ и медов стих Солоухина, ладно скроен, крепко сшит.

И седые, обомшелые валуны, и пение ручья, и дремучая гушь лесная — они персонажи и собеседники, они — часть человеческой, поэтической души и, живописанные Солоухиным, словно приобретают новые оттенки — в своей бесконечной сложности:

Здесь гуще древесные тени,
Отчетливей волчьи следы,
Свисают сухие корни
До самой холодной воды.
Ручья захолустное пенье
Да посвисты птичьи слышны,
И пахнут лесным запусеньем
Поросшие мхом валуны.

Зайти на базар, поэтически представленный Солоухиным, увидеть краски его, ощутить запахи: старинный базар, вероятно, ибо поэт всегда тяготел к старорусскому, сочный и плотный, такой:

На базаре квохчут куры,
На базаре хруст овса,
Дремлют лошади понуро,
Каплет деготь с колеса.
На базаре пахнет мясом,
Туши жирные лежат.
А торговки точат ляды,
Зазывают горожан.

Поэт взрастил свой лес: поэтический, густой и пышный, наполненный деревьями чувств и подлеском ощущений, предлагающий валуны мысли и весь пронизанный золотистым светом — надежды, счастья, добра...

РЕЦЕНЗИИ

ЧТО НАША ЖИЗНЬ?

Леонид Юзефович. Поход на Бар-Хото. М., 2023.

Один мой знакомый — немецкий историк Райнхард Айзенер, игравший довольно профессионально на трубе, — рассказывал, как однажды чуть не упал в обморок — был на грани этого, — когда однажды на концерте музыкант, исполнявший соло на трубе, выдал фальшивую ноту.

Вот, наверное, почему, чем старше мы становимся, тем труднее читать художественную литературу. Я имею в виду не классику, а современных авторов. Любая неверная интонация звучит нестерпимой фальшью. Вызывает протест. И уже невозможно преодолеть сопротивление. Откладываешь книгу, чтобы избавиться от чувства негодования, через несколько дней, «остыв», снова берешь то же издание в руки и снова слышишь фальшивые интонации: либо пафоса, либо высокомерной иронии, либо надуманной скорби. И все.

«Не верю!» — основной посыл невозможности продления разговора с автором.

Вот, наверное, почему, чем старше становишься, тем чаще направляешь свои стопы в библиотеке не к разделу «художественная литература», а к тем полкам, где расположились произведения документального жанра: мемуары, воспоминания, биографии, записки очевидцев, — с тем большим основанием, что в стилистическом отношении они не только не уступают современной беллетристике, но чаще всего и превосходят ее.

Вот, наверное, в чем главный секрет мгновенной популярности, большого количества рецензий и откликов читателей на последнюю книгу Леонида Юзефовича «Полход на Бар-Хото». Ведь это — самый настоящий мемуар, в чем нам на первых страницах признается герой книги, которому писатель отдает свой голос и свое видение мира.

«Стиль — это человек» — не случайно из всех существующих определений самым цитируемым стало высказывание Бюффона.

Так что же это за человек, которому автор отдал свой голос и свою интонацию, от имени которого он ведет рассказ?

Про Солодовникова — героя романа — можно не колеблясь сказать, что он посетил сей мир в более чем роковые минуты: сначала Монголия, потом Первая мировая война, революция, Гражданская война и, наконец, годы ссылки, которые он проводит в местечке Селенга.

Солодовников стал не только свидетелем «высоких зрелищ», но и участником. Правда, Юзефович оставляет нам его «записки» лишь о самом драматическом моменте жизни: стремительного, кровавого и, как потом становится понятно, совершенно бессмысленного сражения в местечке под названием Бар-Хото.

Сразу оговорюсь, что если мы, зная, чем закончится любой классический роман, будь то Пушкин, Лермонтов или Достоевский, перечитываем его раз за разом, не теряя интереса, то не считаю, если пользоваться современным выражением, «спойлером» изложение некоторых сюжетных линий произведения Юзефовича. Не только сюжет приковывает нас к книге. Интонация — вот что держит наше внимание на коротком поводе.

Правда, «приступая к запискам», Солодовников делится с нами сомнениями: имеет ли он право писать мемуары, — поскольку сыграл слишком скромную роль в истории.. Но ведь для нас важна не его роль. А то, как он рассказывает о случившемся.

Поэтому мы и читаем не отрываясь историю жизни Солодовникова, гадая, что его ждет: сума и тюрьма, пойдет ли он по этапу или вытащит «счастливый билет» — будет мирно доживать свои дни на берегу Селенги, вслушиваясь и вглядываясь в течение жизни, куда ему уже не суждено окунуться.

Горькая, мудрая интонация записок оставляет такое впечатление подлинности, такое ощущение достоверности и правды, что забываешь, кто истинный их автор.

Описания Монголии — страны, которая кажется «дикой, забытой всеми богами: голые степи, странной формы сопки, скудная растительность, холодный вечер, «безжалостный и полный какой-то космической чистоты», — завораживают. Эти описания ощущаешь почти на физическом уровне: и обжигающее солнце, и острый колючий мелкий песок, которым заполнено пространство. Создается даже впечатление, словно Солодовников вернулся к «родным берегам», хотя сам герой признает, сколь неуютен для европейца этот мир.

И вот здесь впервые закрадывается мысль: может быть, буддисты правы и существует такое явление, как перерождение? Иначе откуда вдруг у молодого человека ро-

дом из средней полосы «монгольская грусть»? Каким образом в его сердце вспыхнула необъяснимая любовь, понимание и близость почти марсианской природы? Иначе чем объяснить ощущение родства и близости к столь суровому миру?

Догадываясь, что такой вопрос может возникнуть, автор дает нам прямой ответ от имени героя: потому что «в Петербурге близость верховной власти искажает пропорции вещей», там призраки выдают себя за мужчин и еще чаще — за женщин, «там нет правды, а есть только целесообразность. А здесь, на этой скудной земле, я жил среди живых, видел все цвета мира».

Это осознает почти в самом начале книги герой романа. Осознает на уровне логики, на уровне понимания. Но вспоминая о пережитом через много лет, он находит иные смыслы: «Там, на юге, лежит бедная, пустынная, дикая, прекраснейшая в мире страна моей молодости. Там осталось мое сердце, но я не могу объяснить, почему не пытаюсь вернуть его обратно. У ненависти обязательно найдется причина, а любовь — беспричинна».

Афоризм не просто умного, это афоризм мудрого человека.

Как известно, авторы не случайно выбирают имя и фамилию для героев. Посмотрим, что пишут про фамилию героя: «...люди, носящие эту фамилию несомненно, могут гордиться своими предками, сведения о которых содержатся в различных документах, подтверждающих след, оставленный ими в истории России. Так называли людей, приготовлявших солод — сладкое (в полногласной форме „солодкое“) вещество, продукт брожения хлебных злаков. Солод считался на Руси дорогим продуктом. И те, кто им занимался, пользовались уважением. Пиво, солод и хмель входили в состав оброков крестьян за пользование землей. В сборнике норм древнерусского права „Русской правде“ говорится, что вирнику (сборщику платежей и штрафов) в день полагалось ведро солода, а мастерам, занимавшимся ремонтом городских укреплений, помимо денег, корма и питья выдавался солод».

Не побрезгуем и дополнительными сведениями, как, например: «Солодовниковых отличает чувство ответственности, они всегда выполняют свои обязательства, трудолюбивы и настойчивы, не боятся преодолевать трудности, они честные, искренние, всегда говорят правду и делают то, что считают правильным».

Похоже, что Леонид Юзефович именно это имел в виду. Герой романа как военный советник «на хорошем счету», о чем говорит его соперник — предприниматель Серов. Герой не покидает поле боя, не бежит (несмотря на уговоры) от реальной опасности, от возможности погибнуть в чужой стране, в непонятно зачем затеянной военной экспедиции. Он взял на себя обязательства и считает, что должен выполнить долг. Завещанное еще Пушкиным наставление Петруше Гриневу «беречь честь» герой принял и для себя как нечто важное, настолько важное, что даже не подлежит обсуждению, что принимается как само собой разумеющееся.

Честность автора записок позволяет ему видеть все происходящее с предельной четкостью, даже когда речь идет о любимой: «К апрелю наши отношения достигли той стадии, когда мужчина и женщина отлично сознают, к чему у них идет дело, но по молчаливому взаимному согласию предпочитают не торопить неизбежное и не делают последнего шага».

В его словах нет ни цинизма, ни пафоса. Есть понимание.

С такой же простотой и беспощадностью показан чрезвычайно сложный для описания момент близости влюбленных — сцена полна той неловкости и нелепостей, из которых часто состоит обыденная жизнь. И в то же время на какую высоту поднимает переживание героя заключительный аккорд: «Телесная опустошенность блажен-

но и при этом болезненно сочеталась во мне с наполненностью души. Помню, я тогда подумал, что единство этих двух противоположных состояний и есть счастье».

Очередное афористическое высказывание, которое тоже ближе к поэзии, чем к прозе, а если продолжить мысль, то вся книга — это поэма в прозе.

Однако удивляться мастерству писателя, имея опыт чтения «Филэллина», «Властелина ветра», «Карлики и журавли», было бы даже странно, это вполне закономерно, это можно сказать ожидаемо.

Но вот когда Леонид описывает сцену камлания — это уже какое-то запредельное постижение.

Действие описано вроде бы также просто, почти бесстрастно, без аффектации, без нажима, с той же ровной интонацией... но выглядит настолько фантастически ярко, что становится страшно... Физически страшно. Словно вырвавшаяся на свободу дикая сила хаоса способна захлестнуть не только участников похода, но и читателя...

Вот тогда понимаешь всю степень писательского мастерства.

Ведь этого похода не было, этого штурма тоже, этого камлания Юзефович не мог видеть!

Но описание вынуждает нас стать свидетелями — очевидцами — случившегося.

Жизнь героя, как признается он сам, прошла «под знаком четырех женщин». Две из них названы близким по звучанию именем.

Одна Лина, а другая Ия. Не правда ли, есть что-то общее в звучании имен — протяженное, ускользающее, неуловимое, что невозможно удержать в руках. И на подсознательном уровне мы улавливаем намек автора: ни та, ни другая не останутся с ним...

Если бы мы были более сведущими в греческой мифологии, то сразу бы угадали, что женское имя Лина в переводе с греческого означает «скорбная песнь».

А если бы мы были более сведущими в христианстве, то поняли, по какой причине автор наделил другую героиню не совсем распространенным именем. Ия — почитаемая преподобомученица.

Только одно показалось мне странным в романе: ни разу Солодовников — даже мельком, даже косвенно — не упоминает о семье, о близких ему людях. Ведь не мог он, если поминать недобрым словом латынь, — *ex ovo patus*, — родиться из яйца. Образ матери, какой бы черствой она ни была, все же сохраняется в душе человека навсегда...

Почему же герой оказался свободен от воспоминаний детства?

Вполне возможно, я не прониклась глубинным замыслом автора показать абсолютное сиротство героя?

Если так, тогда все верно. Солодовников действительно чрезвычайно одинок. Как одинок, наверное, всякий не просто умный, а мудрый человек, переживший столько, что другим и за три жизни не дано увидеть.

Одним из тяжелых испытаний стало то, что его умение, способности, знания военного советника — все оказалось в этом походе ненужным, никакой роли они не сыграли, не стали решающими, более того, оказались неуместными. Сражение развивается не по законам военной логики, а вопреки ей, абсолютно иррациональным образом. Многие европейцу трудно понять в недоступном ему способе мыслить, однако Солодовников смиренно и спокойно формулирует для себя вывод: «Этично ли мне вставать в позу существа с развитой легочной системой, которое с высот своей эволюции взирает на тех, кто для получения кислорода вынужден обходиться жабрами?»

Надеюсь, вы тоже снова слышите почти поэтическую формулу...

Герой романа — глубоко русский человек. В то же время любовь к Монголии словно бы позволила ему принять, воспринять буддийское мировоззрение. Как вы знаете, одна из главных благородных истин учения свидетельствует: «Жизнь есть страдание», а если короче, то просто «существует страдание». С чем часто трудно спорить, даже если человек понятия не имеет о буддизме.

Но вот вторую истину нам принять труднее, потому что причину страдания буддисты видят в страстном желании или привязанности.

Услышав слово «привязанность», сердце европейца вскипает, потому что ему представляется, что, вступив на восьмеричный путь, нужно будет немедленно оставить родных, любимых, близких, то есть какую-то крайнюю степень отрицания, с чем невозможно смириться.

Но вот мы видим, что Солодовников потерял все. Ту страну, которая его взрастила, ту страну, которой он присягал на верность. Женщина, которую он полюбил, оказалась не той, какой она ему представлялась.

Два столпа, на которые опирается человек: любовь к родине, любовь к женщине и семье, оказались майей.

Что же осталось в сухом и горьком остатке?

Верность себе.

А это немаловажно.

Герой не озлобился. Не превратился в ненавистника, который брызжет ядом злобы и разочарования. Он не прокликает окружающую действительность. Солодовников даже не стал едким скептиком. Он по-прежнему глубоко чувствующий и... понимающий человек.

Вот отчего он не соглашается принять жертвенный поступок Ии — как мы помним — «преподобномученицы».

И в то же время Солодовников не смирился: об этом можно судить уже по тому, что он «пишет» записки о пережитом — на память и в назидание потомкам. Это «сумма переживаний» — опыт, который, может быть, когда-нибудь найдет отзвук в душе другого человека.

Да, мы понимаем, в какие минуты он посетил сей мир, мы понимаем, что пережитые им «высокие зрелища» подняли героя над житейскими буднями. Как если бы, осознав, «что жизнь есть страдание», он осознал, что потери принесли важный опыт, который дает ему возможность выразить в афористических формулах свое видение мира. Эти потери сделали его мудрее, позволяют подвести итог и закончить тем, с чего он начал: «Смысл того, о чем рассказывает герой, меняется в процессе работы и полностью открывается лишь после ее завершения».

И что же нам открылось?

Почти чудо.

И оно открылось непосредственно во время выступления Леонида Юзефовича на встрече с читателями в Библиотеке иностранной литературы — неожиданная (на первый взгляд) переключка между романом и жизнью.

Чтобы немного прояснить смысл случившегося, позволю себе еще одну цитату (ну куда денешься от цитирования, если речь идет о писателе?), которая передает состояние, знакомое многим пишущим, многим исследователям и составителям, когда после какого-то долгого вхождения в поток нужные факты, книги, тексты вдруг начинают сами идти в руки.

«Бывают периоды, когда судьба подчиняет себе жизнь и вопреки теории вероятности преобразует ее в ряд якобы случайных совпадений. Я сам создал вокруг себя это

силовое поле...» — пишет герой романа, отмечая, как неожиданно удалось встретиться с теми, кто, казалось бы, должен был находиться за тысячи километров от места ссылки. И благодаря невозможным с точки зрения привычного хода вещей встречам Солодовников узнает многое, что позволило дополнить записки, как бы завершить их, поставить точки в судьбах тех, с кем он был связан.

А мы стали свидетелями того, как начинает работать такое «силовое поле», когда увидели документальные фотографии, сделанные в Монголии примерно в то самое время, когда происходили описанные в романе события.

Появление этих снимков относится к числу невозможных явлений.

Человек (хорошо знавший Леонида Абрамовича) снимал квартиру в Москве и... случайно (!!!) обнаружил под кушеткой папку с фотографиями.

Авторство установить не удалось. Как не удалось узнать и кому принадлежала папка.

Но эти фотографии словно бы стали «документальным свидетельством» достоверности описанных Юзефовичем событий.

Одна из фотографий даже появилась на обложке книги (жаль, что не в полном формате).

И когда мы смотрели эти кадры на экране, меня не покидало чувство, что они были вызваны из акаши.

На всякий случай напомним, что приведенный (из санскрита) термин означает «первичная субстанция» — вселенская система записи, которая фиксирует все мысли, слова и действия, хранилище всего человеческого опыта, запись всех событий или знание прошлого, настоящего и будущего всех вещей...

И похоже, что эти фотографии (недаром мы так и не узнали имени автора) были извлечены из акаши для того, чтобы подтвердить подлинность, достоверность описаний, которые приводятся в книге. Остается только процитировать еще один афоризм Леонида Юзефовича:

«Наша жизнь — то, что мы о ней написали. Все остальное — мираж, майя...»

Людмила СИНИЦЫНА

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ПРОШЛОЕ?

На Потсдамской конференции Черчилль спросил у Сталина, простил ли он его призывы к интервенции во время Гражданской войны.

— Это было в прошлом, — ответил Сталин. — А прошлое принадлежит Богу.

В этом есть определенный смысл, поскольку изменить прошлое мы не можем. Но мы можем его понять. Или попытаться понять.

Именно это обстоятельство сподвигло меня прочитать огромную по сегодняшним меркам книгу **Евгения Попова и Михаила Гундарина «1968» (СПб.: Алетейя, 2024)**.

Два автора этой книги — очевидец и действующее лицо тех лет с одной стороны и тот, кто в то время был ребенком, а сегодня смотрит на это время с позиции исследователя — образовали интереснейший тандем, потому что всякая идея, объясняющая эпоху, тут же подтверждается или опровергается фактами.

И постепенно, по мере погружения в книгу, вдруг становится ясно, что 1968 год был началом времени, в котором мы живем. Ну посудите сами — вот небольшой поселок на берегу Черного моря в Крыму. Утро, люди тянутся к магазинчику, чтобы поправить голову. И вдруг — известие: в Чехословакии советские танки!

Большинство тех, кто это услышал, продолжают идти в магазин, и только поэт Евгений Евтушенко идет в контакт и пишет гневный пост. Точнее, он идет на телеграф и посылает телеграмму протеста Брежневу.

Точно по такой же схеме бунтует молодежь во всем мире, все люди доброй воли, словно кто-то отыскал способ играть на нервах людей, как на пианино, и принялся исполнять симфонию, вздымая волны человеческого гнева.

Тогда это был первый год информационной эры. Видимо, поэтому он и запомнился. Теперь мы в этом живем ежедневно и уже привыкли посылать телеграммы протеста в «Телеграме» или где-то еще.

Все эти поводы, по которым мы гневаемся, уже забыты, а в книге про 1968 год они выстроены в единый ряд и как-то по-детски наивно обнажены. Возникают разного рода вопросы, и становится понятно, что для чего было сделано.

Становится ясно, отчего Чехословакия в 1968 году вдруг взбунтовалась. Это же для нее нетипично. Чехи послушно легли под Гитлера, потом легли под Сталина. Чего это им бунтовать против милейшего Леонида Ильича? Ну чтобы показать, что Леонид Ильич тиран хуже Гитлера и Сталина, разумеется. Эта технология с тех пор успешно применяется, не находите?

Но это зачин книги, а в целом она посвящена судьбам писателей, которые, конечно же, чувствовали, что живут на рубеже эпох, и каждый по-своему пытался приспособиться к новым временам. Эдуард Лимонов покинул свои родные места, на минутку, Харьков, переселился в Москву, а потом отправился на Запад, в самый центр информационной революции.

Шукшин и Николай Рубцов погибли на взлете, писатели-деревенщики рассердились, а «шестидесятники» стали массово эмигрировать — кто на Запад, кто во внутреннюю эмиграцию. Владимир Высоцкий успешно освоил новую технологию, что такое его песни как не посты ежедневные в контакте? Стал мегауспешен и сгорел на волне этого успеха.

Солженицын уехал на Запад и засел в тамошней глухомани. Он выбрал путь игнорирования времени.

Бардовскую песню пытались сделать послушным орудием в руках партии. Не вышло. Стругацкие стали настолько популярными, что с ними пришлось мириться. Каждый выбирал свой путь, в конечном итоге приведший к тому, что советская культура развалилась окончательно. Она оказалась не приспособленной к новой информационной эпохе. Этот же процесс мы наблюдаем сегодня. С корабля современности падают за борт вчерашние кумиры, в одночасье превратившиеся в иноагентов. Сегодня не крысы бегут с корабля, сегодня с корабля бегут пассажиры первого класса.

Книга странным образом показывает нам, что главенствующая культура сильна, пока за ней стоят армия и флот. Появляется слабость, и от культуры летят клочки по закоулочкам. Холодильник побеждает не только телевизор, но и библиотеку. И таким же странным образом выясняется, что литература, основанная на архетипах, продолжает жить. Здесь не вольны ни холодильник, ни главенствующая культура.

Возникает вывод, что стратегия, когда все силы и ресурсы отдаются злобе дня, не работает. Что в культуре должны быть направления, работающие на вечность. Что их надо поддерживать, чтобы в нужное время можно было именно там черпать поддержку и силы, чтобы жить.

Так что смотрите, какую интересную, нужную и важную книгу написали товарищи Попов и Гундарин! Она помогает осмыслить время, в котором мы живем. А это самое важное, что нам нужно сегодня, как думаете?

Айдар ХУСАИНОВ